
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Игорь Золотусский
(г. Москва)

«У ГОГОЛЯ БЫЛА ПРЕКРАСНАЯ ДУША»

От редакции: К сожалению, интервью Игоря Золотусского, данное им спецкору нашего журнала Геннадью Маркину, по времени «не успело» в предыдущий номер «ПЗ», посвященный 200-летию Н. В. Гоголя. Публикуем, что называется,— вдогонку...

Первого апреля мировая и отечественная общественность отметит 200-летие со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Единственный наш литературный классик, не имеющий в России своего музея. Не хотят современные Антоны Антоновичи Сквозники-Дмухановские отдавать под музей старинные московские особнячки, ох как не хотят. То ли прибыль от московской недвижимости боятся потерять, то ли в отместку, за то, что Николай Васильевич в своих произведениях высмеивал чиновничью непорядочность, глупость и тупость. Но, какими бы обстоятельствами властью не аргументировали, результат один — музея Гоголя в России нет. Об этой проблеме, о творческой и духовной жизни Гоголя, а также о подготовке празднования юбилея Гоголя мы беседуем с писателем, лауреатом литературной премии Александра Солженицына, председателем Регионального общественного фонда сохранения творческого наследия Николая Васильевича Гоголя Игорем Золотусским.

— Игорь Петрович, ЮНЕСКО объявило 2009 год — Годом Гоголя. Вы — председатель Регионального общественного фонда сохранения творческого наследия Гоголя. Расскажите, пожалуйста, что делается фондом для подготовки празднования 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя?

— Наш фонд, о котором Вы спрашиваете, был создан два года назад, а зарегистрирован всего год назад. Этот наш фонд стоит на энтузиазме нескольких людей. У фонда нет даже своего счета в банке. Я не жалею, просто говорю то, что есть. Тем не менее, фонд, точнее отдельные его члены попечительского совета, куда входят многие известные люди, работают на предстоящий юбилей Гоголя с огромным энтузиазмом и, я бы сказал, самоотверженностью. Я могу назвать писателя Валентина Распутина, реставратора Савелия Ямщикова, актера Василия Ливанова, и я тоже вместе с ними.

С самого начала, когда только фонд был создан, и мы получили все-таки общественную вывеску, что придало нам государственный статус, мы сразу обратились с письмом к тогдашнему президенту Путину, чтобы был издан Указ о праздновании юбилея Гоголя. В России такого Указа не было, а на Украине он уже был. И благодаря тому, что это наше письмо было передано Ливановым через нынешнего Президента Медведева Путину в руки, и был 15 апреля 2006 года принят Указ Президента по празднованию юбилея Гоголя. Это была наша работа. После этого к нам обратился тогдашний министр культуры Соколов с просьбой составить юбилейный список оргкомитета. Мы это сделали. Мы ввели в оргкомитет самых знаменитых и лучших людей нашей культуры, но небезывестный господин Швыдкой, а он тогда в министерстве культуры был заведующим одного из главков, вычеркнул Антонову, Калягина, Чулкова и некоторых других людей и включил в список себя. И поэтому этот оргкомитет, составленный наполовину из чиновников, работает до сих пор неэффективно.

Тем не менее, что удалось нам сделать? Для нас, и в письме Путину мы об этом писали, самым главным было, во-первых, создание музея Гоголю в России. В России нет ни одного музея Гоголю. Пушкину — около двадцати, у Достоевского — восемь, а у Гоголя нет ни одного! Мы все любим этих писателей, но, тем не менее, — это не справедливо. На Украине Гоголю открыли три музея, один из которых создал ваш покорный слуга в 1984 году в его родовом имении. Наш фонд начал борьбу за создание музея Гоголю. В Москве есть дом, в котором Гоголь жил четыре года, где он писал второй том «Мертвых душ», где он его затем сжег, и где он скончался. Этот дом находится в самом центре Москвы по адресу: Никитский Бульвар, дом номер 7 «А» и во дворе этого дома сидит знаменитый Гоголь, которого изваял Андреев. Мы настаивали на том, чтобы весь этот дом был отдан под музей. Сейчас в этом доме находится библиотека, а Гоголю отданы две мемориальные комнаты, в которые руководители библиотеки, при поддержке Московского комитета культуры, вставили евроокна и закрыли их решетками. Сам же дом находится в ужасном состоянии. Все перевернуто с ног на голову, в комнате, где скончался Гоголь, в стене пробито отверстие под дверь и комната стала проходной и как комната она уже отсутствует. Планы московского культурного руководства состоят в том, чтобы этот дом превратить в «золотое дно». Дом находится в самом центре Москвы, и они собираются строить в нем какие-то гостиничные номера. Так пока обстоит дело с музеем. Во-вторых, что мы добиваемся, так это установку на могиле Гоголя на Новодевичьем кладбище голгофу и крест. Сейчас уже много лет, начиная с 1951 года, вместо креста на могиле Гоголя стоит бюст работы Томского, на котором на колонне написано: «Великому русскому писателю от советского правительства». Гоголь же в своем завещании писал: «Не ставьте надо мной никакого памятника христианина недостойного». Сейчас настало такое время, и мы потребовали, чтобы завещание Гоголя было исполнено. И этот вопрос был решен новым министром культуры Авдеевым. Приступив к исполнению своих служебных обязанностей, министр культуры повел себя очень решительно в частности по Гоголевским делам. Он нас поддержал, приехал на кладбище с чиновниками, и было принято решение бюст не разбивать, а передать музею Новодевичьего кладбища, который является филиалом исторического музея. Теперь на могиле Гоголя появятся бронзовый крест и голгофа. Причем все это будет сделано за счет министерства культуры.

— *А с музеем как обстоит дело?*

— За музей идет война. Напротив дома Гоголя имеется здание 18 века. Лихачев предложил переселить в него библиотеку, а дом по Никитскому Бульвару полностью отдать под музей Гоголя. Министр культуры, кстати, поддержал эту идею, но в том

доме засилье коммерческих структур, которых выселить очень трудно. Но если это и удастся, то дом под музей Гоголя все-равно отдавать не собираются. Так что чем именно закончится это дело с музеем сказать очень трудно.

— В декабре 2007 года в Литературной газете было напечатано открытое письмо, подписанное Вами и другими членами фонда на имя тогдашнего Председателя правительства Зубкова. В письме Вы просили Виктора Алексеевича пересмотреть план мероприятий, посвященных 200-летию юбилея Гоголя, а так же поручить Счетной палате, проконтролировать распределение государственных средств, выделенных на подготовку к празднованию. Скажите, что послужило поводом для обращения к Председателю правительства и были ли удовлетворены Ваши просьбы?

— Написание письма, которое было напечатано в газетах, было связано с тем, что нам раздали план празднования юбилея Гоголя, и мы увидели, что в том плане нет ни одного пункта, который бы укреплял память о Гоголе. Празднество, Сорочинская ярмарка в Москве, шествие по Бульварному Кольцу с портретом Гоголя, митинги и демонстрации. Зная о том, что согласно Указу Президента правительством были выделены деньги на празднование юбилея в сумме сто пятьдесят миллионов рублей, кстати, не очень много — Абрамович, например, как писала одна уважаемая газета, за футболиста купленного для Челси заплатил около ста миллионов долларов — мы и написали это письмо. Оно навеяло некоторый страх на чиновников, но не более того. Чиновники оказались крепкими ребятами. Недавно Председатель Счетной палаты Степашин выступил в «Независимой Газете» с интервью, где сказал, что он поддерживает усилия нашего фонда, а решение московского комитета по культуре — отдать две гоголевские комнаты для нужд библиотеки, считает неправильным. Его интервью было связано уже со вторым нашим письмом. На самом деле таких писем было около десяти, и они публиковались в различных газетах. Причем было написано письмо и на имя Путина. В письме мы говорили о том, что празднование юбилея Гоголя правительством провалено. Это было очень резкое письмо. Также было сказано о том, что нашей интеллигенции, всей этой нашей элите наплевать на этот юбилей. И о чиновниках мы тоже говорили в письме и, конечно же, мы использовали исторический момент наших взаимоотношений с Украиной. Мы писали о том, что Украина перед лицом запада пытается подняться на ноги в культурном отношении, а значит, ей необходимо иметь своего великого писателя. На самом деле они всегда считали, что Гоголь бежал в Россию и тем самым предал самостийную Украину, но теперь они готовы его считать своим. И у них есть для этого все основания. У них имеются три музея Гоголя, а у нас нет ни одного. Мы писали в открытом письме, что мы не должны отдать Гоголя Украине, потому, что если Украина войдет в НАТО, то и Гоголь уйдет вместе с ней под щит американских ракет. Это подействовало. Московские власти при огромном сопротивлении все же обещали деятелям отечественной культуры организовать музей Гоголя на Никитском Бульваре.

— В доме графа Толстого на Никитском Бульваре Гоголь снимал две комнаты. Как Вы уже упоминали, там же он сжег второй том «Мертвых душ». В том же доме Гоголь скончался. Действительно, лучшего помещения для музея Гоголя, как мне кажется, не найти. Скажите, Игорь Петрович, а рассматривались ли другие варианты для организации музея?

— Хочу сделать уточнение. Гоголь не снимал на Никитском Бульваре две комнаты. Его пригласили в гости, и за эти комнаты Гоголь ничего не платил. Других вари-

антов организации музея рассматривать просто-напросто нельзя. Потому, что этот дом на Никитском Бульваре исторически принадлежит Гоголю. В городе Санкт-Петербурге, например, чиновники поступили так. Там при каком-то жэке выделили комнату. В той комнате по стенам размещена литография Петербурга, а на дверях написано: «Музей Гоголя». А дом на Малой Морской улице в Петербурге, где жил Гоголь, занят Росохранкультурой, и выезжать из этого дома чиновники от Росохранкультуры не хотят.

— Игорь Петрович, представьте ситуацию, что дом на Никитском Бульваре все-таки выделили под музей Гоголя. Но ведь в доме необходимо воссоздать тот первоначальный вид, когда в нем жил писатель. Но ведь времени-то до празднования юбилея остается очень мало. Что делать?

— Да, Вы правы. Времени остается очень мало, тем более в доме Гоголя сегодняшними хозяевами все перестроено. Я уже говорил выше о том, что в доме заменены окна, переделаны комнаты, вдобавок они постелили там мраморные полы, которых там никогда не было. Что делать? Бороться и добиваться. Пусть мы не успеем что-то сделать к юбилею Гоголя, но ведь самое главное то, что музей должен быть. И будет когда-нибудь, я уверен.

— Любич-Романович говорил, что религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны у Гоголя еще с раннего возраста, когда он получал воспитание в христианской семье. Не явилось ли это воспитание тем результатом, что у Гоголя не было своей недвижимости. Будь у него свой дом, возможно и проблем с музеем не возникло бы. Как Вы считаете?

— Если бы у Гоголя был свой дом и, наверное, были бы потомки, то с музеем, конечно же, было бы гораздо легче. У Гоголя есть родственники на Украине, потомки от его сестры, но они, к сожалению, не такие влиятельные люди, как, например, потомки Льва Николаевича Толстого. Тем более они живут на Украине в другом государстве.

— Владимир Воропаев в своей литературной работе «Гоголь и отец Матфей» говорит о том, что духовный отец Гоголя, протоиерей Матфей Константиновский, требовал от Гоголя оставить литературное поприще и идти в монастырь и что он подвигнул Николая Васильевича на сожжение второго тома «Мертвых душ». Как бы Вы прокомментировали это утверждение Воропаева?

— Воропаев — это человек, который считает, что люди не воцерковленные не могут понять Гоголя. Я думаю, что он неправ. Что же касается мнения Воропаева о том, что отец Матфей Константиновский подвигнул Гоголя на сожжение второго тома «Мертвых душ», то этого невозможно было сделать. Гоголь был личностью самостоятельной. Да он был чувствителен, он был подвержен каким-то впечатлениям, может быть злomu слову, которое было сказано, но не до такой степени, чтобы он по настоянию кого-то сжег свой труд. Гоголь просто сам убедился в том, что написал не то. Он был очень суров в отношении себя. Так что отец Матфей здесь ни при чем.

— Гениальное творчество Гоголя оказало сильнейшее воздействие на развитие русской литературы, театра, живописи, музыки. Николай Тальберг считал его глашатаем Святой Руси, Федор Вербицкий называл Гоголя великим россиянином, архимандрит Константин о Гоголе говорил как об учителе жизни, а

Святейший Патриарх Алексей Второй сказал, что Гоголь — великий духовный писатель. Скажите, пожалуйста, а кем Гоголь является для Вас?

— Алексей Второй абсолютно прав. *(Интервьюирование происходило, когда Патриарх еще был жив. Авт.)*. Именно духовная часть открытого творчества Гоголя, я имею в виду его переписку с друзьями, его конспекты и выписки из высказывания святых отцов, его молитвы, все это сейчас конечно возрастает в цене во много раз. И все это, кстати сказать, предвосхищает появление Толстого. Теперь мы это понимаем. Кроме всего прочего для меня Гоголь — это любимый человек, мой любимый писатель. Он был человеком скрытным и некоторые даже боялись его. Тем не менее, я подошел к нему очень близко и понял, что у Гоголя была очень прекрасная душа. Это можно понять из его сочинений, которые полны любви, а не неприязни к русскому народу или к русской жизни. Я даже люблю Хлестакова, по-моему, он замечательный парень.

— В народе ходят упорные слухи, что при перезахоронении Гоголя из Свято-Данилова монастыря на Новодевичье кладбище был вскрыт гроб и, как говорят одни, тело писателя находилось лицом вниз, другие утверждают, что в гробу отсутствовала голова писателя. Одно издание, не буду называть его, чтобы не делать рекламу, рассказало, что один из высокопоставленных работников Кремля, во время перезахоронения, снял с покойного Гоголя кафтан и в дальнейшем обернул им книгу «Мертвые души», которую хранил в личной библиотеке. Также ходит молва, что с могилы Гоголя исчезла надгробная плита, которая оказалась на могиле Булгакова. Есть ли в этих слухах доля правды?

— Перезахоронение праха Гоголя было варварским. Он был похоронен в Свято-Даниловом монастыре и в 1931 году был вырыт из могилы, гроб был вскрыт и разграблен. И разграблен на самом деле не крупными кремлевскими чиновниками, а как это ни печально — писателями. При вскрытии гроба присутствовали писатели Илья Сельвинский, Владимир Лидин, Юрий Тынянов. И кусок от сюртука Гоголя отрезал Владимир Лидин и переплел им книгу «Мертвые души» и на внутренней стороне обложки прикрепил пластину, где было сказано, что это не просто материя, а материя сюртука Гоголя. Он даже оставил записки утверждающие, что это так. Гроб был разграблен. По поводу головы — это один из многих мифов, которые ходят вокруг Гоголя, ходят по его следам. Это неправда. Что касается надгробной плиты, то это была не надгробная плита, а голгофа, камень на котором стоит крест, это основание. Никто не собирается у Булгакова забирать эту голгофу, она останется там, а у Гоголя будет другая. Осквернили не только могилу Гоголя, так поступили со всеми остальными, кто был похоронен рядом с Гоголем. Это Хомяков и его жена, это Языков, сестра Языкова, сын и отец Аксаковы. Вырыли гроб с телом Рубинштейна привезенного из-за границы. Гроб был свинцовым, открыли его, а Рубинштейн был как живой, затем рассыпался. Были совершены кощунства и над другими могилами. А многих и не выкапывали из могил. Просто взяли и закатали катком. Недавно я получил письмо из Свято-Данилова монастыря от настоятеля архимандрита Алексия. Там сейчас находится Министерство иностранных дел Московской Патриархии. В письме сказано, что на территории монастырского кладбища прокладывали какие-то трубы и нашли могилу Гоголя. Она была очень глубокой, и гроб находился не на дне, а в боку, в таком гроте, который был выложен камнями. Он очень хорошо сохранился, дубовый, просмоленный гроб. Его индифицировали и есть письмо археологов, что это именно гроб Гоголя. Они собираются поставить там памятный знак, и может быть крест. Это уже отрадно. Все вырытые из могил останки, перевезли из Свято-Данилова монасты-

ря на Новодевичье кладбище, где образовалась такая компания камней. А что под камнями — мы не знаем.

— *С какой целью это делалось?*

— Властям понадобился монастырь. Монастырь был отдан ГУЛАГу, и в нем была организована детская тюрьма. Для ее создания и было ликвидировано кладбище.

— *Игорь Петрович, Ваши родные, да и Вы лично, будучи еще ребенком, познали сталинские лагеря. Если можно, расскажите об этом периоде Вашей жизни!*

— В 1937 году арестовали моего отца, а в 1941 году — маму. И меня отвезли в детскую тюрьму. В ту самую, которую создали в Свято-Даниловом монастыре. Монастырь был обнесен колючей проволокой и охранялся вооруженными часовыми. Эта тюрьма называлась детским приемником-распределителем ГУЛАГа НКВД. Я не знал своей судьбы. Я не знал, что со мной будет дальше. Я не знал, где были мои отец и мать. Можете себе представить переживание десятилетнего ребенка, которого в так называемый детский дом приводит милиционер и которого в первый же день накрыли одеялом и избили только за то, что на мне был матросский костюмчик. Я был маменькиным сыночком. Там была суровая школа. Это был макаренковский каземат, который, правда, помог мне выжить, — там хоть пайку давали.

— *В преддверии празднования юбилея Николая Васильевича Гоголя, что бы Вы, Игорь Петрович, пожелали всем почитателям его таланта?*

— Всем почитателям таланта Николая Васильевича Гоголя я хочу пожелать одно — любите Гоголя и читайте его бессмертные произведения.

*Беседовал Геннадий Маркин;
фото автора*

Ирина Кедрова
(г. Москва)

...ЕЩЕ РАЗ ОБ «ИСТОРИКЕ И ЕГО ИСТОРИИ»

Постоянный автор нашего журнала Ирина Николаевна Кедрова преподает этикет и москвоведение в Московском государственном педагогическом университете. Профессор, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук. Профессионально занимается литературной работой: прозаик, драматург, литературовед. Член Союза писателей России, академик Академии российской литературы, входит в редакционный совет альманаха (журнала) «Московский Парнас», член одноименного Творческого клуба. Редколлегия «Приокских зорь», публикуя материал Ирины Кедровой (ранее рецензии на роман печатались в «ПЗ», «Тульском литераторе» и других изданиях), имеет в виду тот интерес, который читатели проявили к «Историке и его Истории». Отметим, что за этот роман его автор был отмечен литературными премиями им. Л. Н. Толстого (2005) и им. Валентина Пикуля (2007).*

Сюжет романа, на первый взгляд, стар, и к нему не однажды обращалась всемирная литература. Древность сюжета подчеркивается и избранным стилем, и трехчастным построением романа, и неспешным раскручиванием действия, с дополнениями, воспоминаниями, отступлениями, обращениями автора к читателю.

Витиеватый слог, подаренный нам девятнадцатым веком, наполнил роман сочной окраской таких слов и словосочетаний, как: «почитай», «полагал», «добрейший профессор», «личность неординарная», «почивший с миром», «напасть приключилась», «не будем ему докучать». Как небольшие фрагменты прошлого слога, они разбросаны по всему тексту, и вносят в него аромат забытого письма и прочных мыслей. Да и герой романа — человек благородного происхождения. Его бабушка помнила «еще с конца прошлого века французский язык», дедушка служил гвардейским офицером, был дворянином с порядочной родословной.

Старый сюжет, однако, раскрывается он с опорой на современность, можно даже сказать — по-яшински. В чем же особенность этого раскрытия? Что нового внес автор в поиски и метания современного, к тому же — русского, Фауста?

Герой — Виктор Ильич — помещен в жизненные условия, в которых и мы с вами, дорогой читатель, жили лет двадцать назад. Оттого он близок нам, по нему мы сверяем память прожитых лет и правоту своих мыслей, ощущений, взглядов.

Примечательно его имя. Виктор — победитель. Ильич... Сразу вспоминается «наш Ильич», перевернувший страну, и другой «Ильич», создавший общество «тихого застоя» и «незаметного для большей части населения диссидентства». Впрочем, об отчестве А. А. Яшин пишет тщательно и заключает: «Ильичи — все сплошь люди странные».

Постепенно раскрывается сущность Виктора Ильича. Читатель узнает, что он — «личность неординарная». В детстве занимался в многочисленных секциях и кружках,

* Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях. — Тула: «Гриф и К», 2004. — 481 с.

окончил французскую школу, обучался музыке, получил хорошее образование в столичном «редкостном институте архивного дела». Был недолго женат и отличался «женолюбием». Курил «Беломор» — «из соображений чисто патриотических». Работу «в богатом материалами облархиве», хоть и проклинал ежечасно, но находил «по душе». Слегка диссидентствовал «и в морали, и в политике, и в далековатой от его души религии». Любил «проехаться по знаменитейшим букинистическим магазинам». Словом, нам открывается образ советского интеллигента, каких немало жило в описываемые времена, и все же не так много, чтобы они определяли общее течение жизни.

Чем занимался Виктор Ильич? Профессионал-архивист, «историк по призванию», человек много знающий, тщательный в работе. Однако, не бегающий от участия в сомнительных «операциях»: помог сохранить практичному и деятельному приятелю старый деревянный дом, не гнушаясь подтасовкой данных, заключенных в архивных документах. Нам что? Пусть дом стоит на радость хитрого предпринимателя. Но приведенный факт свидетельствует о том, что небезгрешен наш герой. К тому же объясняет, почему Аседон Младший, искуситель-агент 3-го ранга, предложил ему сомнительную мекфистофеле-фаустовскую игру, даже при том, что тот к Фаусту относился скептически, полагая его скудоумным продавцом собственной немецкой души.

Впрочем, в жизни Виктора Ильича нашлись и другие ситуации, когда его слово и дело, убеждение и действия расходились. Еще в студенческие годы этот выходец из интеллигентной семьи доказывал первыми научными изысканиями (в курсовой работе) «полную ненужность и даже прямой экономический вред от изучения иностранных языков в СССР». Впоследствии же именно знание французского языка помогло ему не затеряться в мире, в котором он оказался благодаря судьбе и Аседону Младшему.

Раскрывая содержание той курсовой работы, автор, прекрасный умелец саркастического слова, объяснил читателю: «Иностранный язык не нужен, ибо общение с иностранцами сведено к минимуму. Крайне малое число иностранцев находится в стране», невелик «поток выезжающих в другие страны», в кино — «квалифицированный перевод или санкционированная недоступность, газетно-журнальная продукция на иностранных языках крайне ограничена», художественная литература «обеспечивается высококлассными переводами». Словом, все хорошо, и иностранные языки советскому гражданину вовсе не нужны. Пусть другие народы учатся говорить на языке Свехдержавы. Разве мы с вами не жили в таких условиях? Разве иностранный язык не преподавался в обычной школе таким образом, что выходили из нее «знатоки», способные, в лучшем случае, коряво произнести «*I am*». И лишь «избранные» изучали языки в спецшколах и спецвузах.

Сарказм, присущий перу автора, постоянно перемежается болью — за Отечество, за русский народ, за людей, оказавшихся в абсурдных жизненных обстоятельствах. Прочтите, например:

«Но наш народ — не узкий специалист, как натовский диверсант; природная сметка да добротное образование, щедро отпускаемое Советской властью, позволят найти выход из самой тупиковой ситуации».

«Видать, до полной победы мирового коммунизма дожить хотят!».

«А вскоре и слава пришла сравнительно еще молодому профессору: именно сводному духовому оркестру военно-музыкального факультета *T*-го университета выпала высокая честь представлять страну на ежегодном шоу военных музыкантов развивающихся стран на острове Фиджи, где съели капитана Кука, и где питомцы экс-подполковника заняли почетное 38-ое место».

«Иначе мы до второго пришествия коммунизма, которое непременно наступит, не сумеем дописать это повествование».

К характеристике своего героя писатель обращается снова и снова. Виктор Иль-

ич, как сто лет назад Раскольников, мучился вопросом: он — личность или нет? Слабая или сильная? Свободная или нет? Известно, что случилось с Раскольниковым, возмнившим себя человеком свободным от нравственных законов. Виктор Ильич про себя решил, что он — личность, достоинство которой — организованный интеллект, свобода и воля. Аседон Младший, критически настроенный, в сомнении задает вопросы, которые и мы бы с вами задали нашему герою: «Но куда делся он, твой организованный интеллект в те три дня безобразной, разнузданной оргии обжорства и мщения?», «Хороша же твоя свобода и воля, если достигается она унижением пусть и мерзавцев, но ведь людей!».

Связь с Ф. М. Достоевским, пусть и не выставленная на первый план, прослеживается. В начале романа эта связь проявляется в размышлениях героя о силе, свободе и воле. В конце повествования автор посвящает Достоевскому и его творчеству несколько страниц и делает это намеренно. В чем суть такого сближения двух писателей? В том ли, что связаться с бесовской силой может лишь сумасшедший? В том ли, что выжить в условиях, в которых живет и Виктор Ильич, и все мы, может только тот, кто в той или иной мере связан с героями душевно беспокойного писателя? Об этом раздумывает Виктор Ильич: «ни разу не довелось ему встречать откровенного хама, пройдоху, жулика с нарушенной психикой. Именно и наоборот, все они, как правило без исключения, были отменно душевно здоровы, оптимистичны, жизнелюбивы. Наоборот, всякий вежливый, добродетельный, чувствительный человек нередко оказывался, что называется, «со сдвигом». А может, дело в том, что человек, взявшийся за писательское перо, уже не может считать себя полностью нормальным, поскольку и берет писать увиденное особым — нестандартным — глазом, при особом душевном состоянии, причем не столь важно, сам он это понимает или нет.

Алексей Яшин — писатель прочный, серьезный, разноплановый. Молодые и ретивые словотворцы, несомненно, найдут в его книге «писательскую науку», ибо «...самое трудное, сложное и долгообучаемое в ремесле (в высоком понятии этого слова!) художника — умение рисовать, то есть реалистически отображать живой и неживой мир, но не «фотографируя», а преломляя его через свое субъективное восприятие этого самого мира». С юмором, в котором уложена истина, размышляет он о писателях, деля их на две категории — добрый и мудрый. У первого часто мудрости не хватает, а второй «неприменно злой как сто чертей». «Нет у нас, к сожалению, писателей одновременно добрых, мудрых, ироничных...» Разумеется, это не так. Назовем К. Г. Паустовского, Ч. Т. Айтматова, А. Т. Твардовского, Ю. В. Трифонова. Есть добрые, умные и ироничные писатели, и все же таких, оказывается, имеющих все три предложенных автором качества, крайне мало. Есть чему озаботиться нашим мастерам слова.

Алексей Яшин — человек, познавший радости и тяготы писательского труда, — предупреждает желающих легко пройти по пути создания литературного текста: сделать это невозможно. Виктор Ильич «жадно, словно готовясь к этому долгие годы и десятилетия, испытывая творческий подъем, отдался написанию шестисотстраничного труда. Он не заметил весну, из летних дней запомнилось только третье июня...» Его ожидал «изнурительный, но приносящий усталую радость труд».

Готов ли современный писатель к такому труду, к отрыву от жизненных радостей, к уединению? Готов ли он жизнь подчинить тому, чтобы появилась на свет книга, которую могут не заметить, на которую могут не отозваться, а могут и растерзать в угоду чьим-то настроениям? Чтобы писать, нужна страсть к слову, проявленному на листе бумаги. И умение. И чувство этого самого слова. И хорошее знание языка, на котором пишешь.

Искрометность слова у автора сей книги неиссякаема. Насладитесь сочным русским языком, читая: «мелькнул интерес», «приятно напуганный», «многоликое чу-

до», «кот имеет ту породу, которую пожелает хозяин», «Много чего везут, ума только не привозят...», «ждешь экзотики, а повсюду мировой бред!», «Радость пришла на Землю». На страницах книги появляется чудный афористичный лозунг, способный стать жизненным принципом: «Кирнарского кота не трожь!».

Увлекательный рассказчик Яшин работает в жанре авантюрного романа. Он сразу «окунает» читателя в интерес. Ночь, герой философствует, в его размышления неожиданно проникает некто невидимый. «Не черт ли?»,— задаешься вопросом. И скорая развязка,— ну, конечно, он, кто еще может быть в авантюрном романе? Однако, интересно: что же такого особенного придумает автор? Ах, договор красной шариковой ручкой? Ах, месть надоевшему директору архива? Да еще поддержка жизненно-семейного тона любовницы? Мелковато, сударь. Но читаешь, читаешь и понимаешь, что это лишь начало, это лишь закуска, и процесс ее брожения разворачивается на твоих глазах.

Виктор Ильич, оставивший мстительно-спасительные операции, направленные на обидчиков и лиц приятельского окружения, занялся собой. Незаметное для сотрудников самоустранение с работы, расширение собственной научной библиотеки, решение бытовых вопросов,— все направлено на то, чтобы освободиться для настоящей мыслительной деятельности.

Между строк размышляющий читатель найдет направление собственной деятельности — разгадай, узнай, вспомни. Что это за песня о бедном студенте? Да это же «Песенка студента» Д. Тухманова, написанная на слова Л. Гинзбурга, сделавшего перевод «Из вагантов». Песня эта была очень популярна во второй половине 70-х годов.

А кто такой Лоренс Стерн? Так это английский писатель XVIII века, любимец высшего света Лондона, покоривший читателей романом, наполненным оригинальной ученостью, а затем описавший, после собственного путешествия, любовные похождения путешественника. Открывается связь Лоренса Стерна с А. А. Яшиным, поскольку в оформительской части книги мы уже узнали, что автор — выдающийся ученый, получивший Государственную научную стипендию и направивший ее на издание этой книги. Вспоминая фаустовский сюжет, и проводя параллель с путешествующим Стерном, читатель догадывается: в книге непременно будет путешествие.

Кстати, нельзя не отметить, что издание книги такое, о котором могут мечтать серьезные писатели — в твердом переплете, на бумаге хорошего качества, с иллюстрациями, которыми автор, сам их отобравший, усиливает впечатление от прочитанного. Переплет книги украшен изящным, золотом вычерченным, мечом, напоминающим острое писательское перо. Изящная линия, словно нить истории или струна арфы — символа звучащего в музыке слова. И кот, конечно, кирнарский, гуляющий сам по себе, однако четко знающий, что ему нужно. Этот кот, как мы узнаем, гуляет в душе Виктора Ильича, и это дает нам дополнительную окраску сущности героя, с которым, к моменту данного сообщения, мы уже сдружились, и смело идем по пути его приключений.

Мы уже упомянули, что Алексей Яшин — ученый. Но он еще человек, страстно болеющий за науку и образование. Потому в его книгу органично вставлены размышления о том, что происходит сейчас, спустя тридцать лет после описываемых событий в российском высшем образовании. Многие работники высшей школы с горечью подтверждают опасения писателя: происходит ее ликвидация. Институты, знаменитые своими естественнонаучными и физкультурными кафедрами (опять не удержался автор от горького сарказма) «переведут в разряд «классических» университетов, все инженерные факультеты позакрывают, а вместо инженеров начнут готовить филологов, переводчиков для тихих оккупантов, визажистов и прочую службу для «новых русских» и американских консультантов по экономическому росту страны».

Предостерегает мудрый писатель, яростным пером сопротивляется тому, что происходит в стране. И мне приходит на ум: педагогические институты, копившие многие годы педагогическую мудрость, выработавшие механизм воспитания творческого и знающего школьного учителя, сегодня становятся «классическими» университетами, избавляются от педагогической направленности, берут на вооружение западноевропейский бакалавриат с магистратурой, бездумно отбрасывая достижения собственного высшего педагогического образования.

Ученый не может спокойно обойти тему образования и познания. Гимн познанию раздается со страниц произведения, целиком посвященного, несмотря на авантюристичность и нереальность сюжета, правде жизни, философскому взгляду на нее. Какое это наслаждение — глубокое интеллектуальное познание, «где труд ума есть отдых и нирвана души, истинное, привольное гурманство разума». Такого труда требует автор от читателя, и тому приходится постоянно думать, чтобы понять логику размышлений писателя, манеру и ритм беседы, суть описываемых событий. Автор беседует с читателем, ни на минуту не отрываясь от этого увлекательного занятия. Даже в тот момент, когда описывает, казалось бы, никакого отношения к читателю не имеющие события жизни Виктора Ильича. Все, что сказано в романе, направлено к нам — молчаливым участникам беседы. Для этой беседы Яшин избрал стиль рассказчика, который сидит рядом с читателем и сообщает ему среди фантазмагорических сведений сведения реальные. И те, и другие направлены на одну цель — заставить нас рассуждать, прогнозировать последствия собственных поступков

Сообщает он о том, как расправились с Луной — вечной спутницей Земли. Люди радовались и восхищались, и лишь выживший из ума стотрехлетний дед задал вопрос, который и мы с вами задали бы: «Что им сделала Луна?» Смешно? Или ужас охватывает при мысли, что человечество способно само себя уничтожить? И хорошо, если оно это совершит через тысячу лет. А если сейчас? Погибнут твои дети, только что вступившие во взрослую жизнь, погибнут внуки, только пришедшие в жизнь. Погибнут те, кого ты любишь, о ком всегда волнуешься, за кого боишься. Все-все может исчезнуть во имя грандиозных необдуманных замыслов, из-за стремления доказать величие человека. Дорогая цена!

Алексей Яшин — историк. Через своего героя он предлагает нам собственный взгляд на историю человечества. Возможно, не во всем этот взгляд подкреплен фактами, однако, художник сказал, и дело человека, страждущего знаний, — докопаться до истины. Например, действительно ли Петербург в начале XIX века был переименован в Петроград?

Любой историк скажет: история не имеет сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло. Была Великая Отечественная война и была вторая мировая война. В этих войнах образовались союзники и враги. Известны сроки окончания обеих войн. Но зададимся вопросом, что могло бы произойти, если бы Сталин пошел в 43-м году на подписание мирного договора с Германией? Тогда война окончилась бы раньше, с меньшими потерями, с другими реалиями на сегодняшний день. Да, этого не произошло. Такова история. Но думать, предполагать, учиться на прошлых ошибках во имя недопущения их в будущем — разве нельзя? Тем и отличается роман, авантюрный роман, от строгого, опирающегося только на фиксированные факты, сообщения исторического события. Разве не задача художника слова — расширить рамки реалий, взглянуть в глубину процесса с разных — возможных и невозможных — сторон?

Как историк он раскрывает свой взгляд на исторические вехи, ставившие Россию на очередной путь. Он ищет то время, в которое можно повернуть страну на иной путь. Зачем? Да из желания изменить настоящее к лучшему. Просматривает Смутное время, XVII и XVIII века, правление Екатерины Великой, а затем императоров XIX

века. Он размышляет о необходимости и последствиях освобождения крестьян, опираясь, очевидно, на размышления историка XIX века М. П. Погодина. Показывает критическое отношение к деятельности Александра II — Освободителя. И здесь, мне думается, перекликается со взглядами некоторых современных историков... Вызывает у нас интерес к деятельности Александра III, и старается доказать, что такой интерес обоснован.

Алексей Яшин предупреждает: человечество играет, и играет в опасные игры, «человек всегда ищет цацку, которую можно поломать, когда в голове пустеет, а силецу нажрал невероятную: нет бы себе самому голову отвернуть или ногу в камнедробильную машину вставить!?! Так ведь жалко себя, боязно, а цацку? — Круши ее, ребята! Я с ней больше не играю, вырос, баста! Другим? — Не моя забота».

К игре человечества, к угрозе уничтожения либо к созданию военизированного общества, истребляющего своих членов за малейшую ошибку, писатель постоянно возвращается. В описании событий, происходивших с героем в Карримардаке, есть много опасного. Военизированное государство с демагогическими вывертами, с низким уровнем обслуживания — питание, бытовые условия, медицина, с непрекращающейся слезкой, в которой участвуют те, кому положено, и те, о которых не догадаешься. Да и работа, отнюдь не творческая, превращает человека в тупой винтик машины, которая действует под управлением властителей. Внешне же — все спокойно, чудесно, с улыбками, всеобщей радостью и достижениями — мифическими. Вырваться из этого государства невозможно, пропасть в нем — запросто. Даже вырваться, не получаешь гарантии спасения жизни. Знакомо? Нет ли у нас опасности оказаться в подобном государстве?

Страх, который появляется у читателя, читающего авантюрный роман, быстро проходит, поскольку события мчатся с огромной скоростью. От одного общества к другому, кажущемуся иным, но, по сути, с той же военизированной организацией. Из Карримардака да в Хиндельбраант. Поневоле вспомнишь слова из Божественного писания: «отнимается от вас царство Божие...» И наконец-то, как спасение, как осуществление мечты и свободы — благодатный замок во Франции. Не Париж — с его развратом, гомосеками, хитрецами и пронырами. Где «все — от младших школьников до 90-летних инвалидов труда и революций,— обязаны неписанным законом до изнеможения предаваться любовным утехам».

Это что? Автор зол на Париж, который Хемингуэй назвал праздником — «Праздник, который всегда с тобой»? Про который известный режиссер А. А. Прошкин сказал — «Увидеть Париж и умереть»? Да нет. Опять надо докопаться до истинного смысла, который содержится, для особо непонятливых, в небольшой фразе: «у них каждый день — день качества и вежливого общения».

Однако, вернемся к нашему герою, которому Париж надоел еще в начале путешествия, и потому Аседон Младший отправил его в тихий средневековый замок Орсе де Монтан, в котором имеется возможность спокойной, красивой без нужды жизни. Любить свою супругу, приобретенную в начале путешествия, иметь умную и очаровательную любовницу, русскую по происхождению, завести милого ангелочка — собственную дочку, оказывать влияние на окружающих жителей, но главное — вести научные изыскания историко-философского порядка. Даже машина времени оказалась в услуге у Виктора Ильича. Однако, по русской привычке во все влезать, все портить и всех подводить, тот умудрился так повести свои изыскания, что Аседону Младшему пришлось на долгое время отбыть в наказание в неизвестном направлении, оставив своего подопечного в относительной свободе, но не оставив его, тем не менее, без своих материально-бытовых забот.

Аседон Младший — натура демоническая, многое способен сделать. Но и у него есть свои ограничения. Деньгами снабдить, машину предложить, дамочек по вызову

устроить и мужскую силу укрепить, замок обставить — это легко. Даже машину времени предоставить. «...Жратву, баб и прочее — пожалуйста, но только все чтобы было наше — земное, а эти чудаки-инопланетяне — не его компетенция, эти проходят по восьмому ведомству семнадцатой небесной канцелярии, которым заведует Асахарит — его классовый враг». У них там, у чертей, оказывается, своя иерархия, свой порядок, и у каждого из них — свои возможности. Как у людей. Оттого пришлось Виктору Ильичу помыкаться в дальнем странствии, побояться-поволноваться.

Справедливость требует отметить, что наш герой поначалу не очень-то доверял нечистой силе и даже «тянулся» от дьявола с его всевозможностями в нормальную жизнь. Без дьявольской помощи зашел в салон-парикмахерскую и постригся, без нее же «решил полностью проделать путь, претерпевая обычные для путешественника невзгоды, томления и случайные радости дороги...» Удивительно наивный человек: дьявол просто не отпустит, да и сложно жить без него, вкусив от него же превеликие радости материального порядка. Виктор Ильич это быстро понял и стал с Аседоном Младшим сотрудничать, изредка выражая ему неудовольствие. Впрочем, Аседон Младший поводов для того почти не давал.

Алексей Яшин — философ, размышляющий о жизни, обществе, государстве, власти. Он подмечает незначительные детали. Обращает внимание на значимые явления, но, по вполне объяснимым причинам, не вызывающие в обществе потребности серьезного изучения и обсуждения. О малой компетентности власти, например, «точнее ее носителей» рассуждает Виктор Ильич, удивляясь, «как это они эту власть берут и держат, будучи дремучими невеждами в самых обыденных вещах». Об уверенности каждого властвующего в том, что он достоин бальзамирования. «Всем хочется фараоном стать!» И где нам набраться кремлевских стен, мавзолеев и, на худой конец, египетских пирамид?

«Время гениев проходит,— характеризует он современность словами Сталина,— наступает время подлецов». Однако, слышится со страниц книги голос автора, не согласного с этой позицией. Помилуйте, это было всегда! Во все времена боролись добро и зло, порядочность и безнравственность, талант и бездарность. Кто побеждал? По-разному было. Но даже если погибали добро, порядочность, талант — они возрождались, поскольку именно на них человечество держится!

Не успокаивается Яшин-сатирик. Ему надо на все обратить внимание, указать возможные пути обывателю, подчас не желающему осознать, что есть общество, каким оно может стать, что может дать человеку и что отобрать, если тот будет пребывать в эйфории собственной значимости и богатства.

Недаром его герой, занимаясь серьезными исследованиями, внезапно осознает, «что Отечество находится близко-близко к пропасти, такой глубокой и мрачной, каковая еще ни разу в бурной 1000-летней истории страны ей не угрожала. А угрожала она уничтожением страны, физическим уничтожением большей части народа и дебилизацией оставшейся. — Той, которой милостиво позволят остаться на этом свете на положении рабов». Пугает нас Яшин, а нам не страшно, мы-то знаем, нам твердят о том, что к середине XXI века русский человек станет определять духовную жизнь мира. Здорово! Ни культуру развивать, ни улучшать положение народа, ни ставить в школы компьютеры, ни создавать условия, чтобы эти «думающие» и расширяющие мир общения и знания машины шли в широкие народные массы, ничего не делать. Само придет, и будем мы определять развитие человечества!

На сегодняшний день в России смертность превышает рождаемость. Процесс этот пока не остановим. Каким будет население страны к середине этого века? Кто будет духовным лидером человечества?

Яшин-юморист подмечает веселые жизненные сценки, утверждая, что и там, где, казалось бы, не до смеха, есть возможность для улыбки и веселья. Чего стоит хотя бы

ситуация в аптеке, когда геолог покупает в огромном количестве «изделие номер два» и объясняет стоящим в очереди, что это ему нужно для работы? Писатель дает нам немного отдохнуть от сложности восприятия раскрываемого им мира.

Обратимся теперь к изысканиям нашего героя, с помощью которого писатель сказал и то, о чем сам думает, и то, о чем думают другие. Мы можем спорить, осуждать, не соглашаться, возмущаться. Или принять точку зрения Виктора Ильича. Главное — мы будем думать! Мне представляются спорными рассуждения о роли Сталина, о его христианской миссии, о воплощении в СССР христианской идеи, о возможности выхода из войны в 1943 году, о союзниках и врагах СССР, о Крыме, тайных сообществах, об инквизиторском пути развития «через позор и ничтожество». Но, как убеждает меня автор, это вопросы, ждущие подробного исследования, открытого обсуждения. Они должны быть заявлены, и Яшин не умолчал, а так своеобразно и основательно приступил к делу.

Затворник замка Орсе де Монтан связал в единое социализм и христианство. Допустимо ли такое объединение? В стране, которая пошла по пути социализма, уничтожались православные храмы и православная религия. Однако, человечество давно определило моральные требования к собственному выживанию и вставило их в христианские законы и проповеди. Да и христианство не из воздуха образовалось, его корни в более ранней философии. Все когда-то сказала человечество. Как только сказанное преломляется в разные эпохи?

Масонское тайное сообщество, додумался наш герой, — слуги Антихриста, однако именно слуга Антихриста Аседон Младший помогает Виктору Ильичу, который, как понимаем, сам негативно относится к силам зла и пытается от них уберечь Отечество. Конечно, в мире все переплетается, и все сложно. Надо бы привести эти сложности в систему, показать логику, понятную читателю.

Некий разрыв происходит при восприятии описания двух государств: подробнейшего описания событий в Карримардаке и краткого описания того, что видели путешественники в Хиндельбраанте. Создается впечатление, что автор устал и позволил себе отдохнуть от сотворения текста.

Непонятно, почему надо долго рассказывать о колебаниях струны, превращая фрагмент художественного произведения в научный доклад.

Почему «опереточное переименование столицы в Петроград пошло на пользу государственным устремлениям повзрослевшего Александра Павловича»? Есть и другие замечания исторического характера...

Виктор Ильич в начале романа был «далековат» от религии, потому легко связался с Аседоном Младшим. В ходе глубоких размышлений пришел к христианству. Он не стал ярким сторонником православия, однако понял, что оно и Антихрист — субстанции несовместные. Более того, он убежден: Антихрист несет человечеству беду. И все же продолжает пользоваться его услугами, благодаря которым стал профессором Сорбонны. Впрочем, об этом автор говорит как о сне, однако в каждом сне есть доля истины. Так перефразируем мы известную поговорку.

Научные изыскания Виктора Ильича шли в потоке будничной жизни, в которой значительное место отводилось отношениям с женщинами. Как же он к ним относился? Разумеется, по-мужски. Была жена на недолгое время. Была любовница, прибегавшая к нему в свободное от мужа время. Как человек благодарный он «отплатил» ей с помощью Аседона Младшего и исчез из ее круга. Ему нужна была милая, красивая, приятная, в меру умная, то есть без излишества того качества, которое смущает мужчину в женщине. К счастью, такая особа нашлась и пустилась с ним в удивительные приключения, не задумываясь, оставив родных и друзей. Со временем превратилась в обычную капризную супругу и в мать, наверное, не слишком обеспокоенную. Жизнь Леночки по воле мужа разнообразна, но скучна в плане ее личного участия. Главная ее

задача — ублажение Виктора Ильича, а когда ее утети наскучили, тот глянул на умную и деятельную Наташу. «Его любили две прекрасные женщины». Обычный амбициозный мужчина удовлетворяется такой прекрасностью. Имеет право.

Читательницы получают указание к действию: будь такой как Леночка и станешь госпожой средневекового замка. Неизвестно, правда, куда потом денешься, когда супруг задумает вернуться на родину, «служить Отечеству». Можешь стать такой, как Наташа, но здесь-таки ум нужен, изворотливость, понимание мужчины. Здесь постоянно просчитывать надо: когда сдаваться, когда нет, когда и как поддерживать «вторую половину» возлюбленного, чтобы своего не упустить. Здесь руководствуются непреложным правилом: «любимому надо льстить».

Впрочем, подобных любовных историй в литературе огромное количество. Здесь они как отвлечение читателя на какое-то время от серьезности вскрываемых проблем, как дополнительная характеристика главного персонажа, благодаря которой читатель решит: верить ли научным изысканиям «болтающегося по бабам» исследователя, либо примет его за своего, нормального мужика, пусть он даже с чертом связался.

Кстати, а что с Аседоном Младшим? Так и пропадает в командировке, в которую его послали из-за слишком деятельного Виктора Ильича?

Прочитанная книга лежит на столе. Большой труд думающего человека. Писателя. И читателя. В этой книге отмечено: «Восемь процентов людей мыслят самостоятельно и являются, так сказать, двигателями прогресса, а проще говоря — только эти самые проценты могут и хотят думать, двигать, работать. На них и держится любая нация, этнос, страна, государство». Войдем же, читатель, в состав группы мыслителей-деятели. Начнем свой путь от прочтения этой книги и размышления над всем, что открыл нам ее автор. В добрый путь!

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ*

(Ответное письмо, переросшее в размышления...)

Уважаемая Ирина Николаевна!

(Извините, мне удобнее писать от «третьего лица»)

Как когда-то пели: «Привыкли руки с топорам...» Это к тому, что состою сейчас в пяти диссертационных советах: в трех в нашем университете, в Сургутском университете и в Белокаменной, во ВНИИ медицинской и испытательной техники. То есть за год даже у себя (в Москву и Сургут не езжу — потеря времени) бываю где-то на двух-трех десятках защит. Да и своих ежегодно защищаю три-четыре кандидата и доктора технических, биологических и даже порой медицинских наук. И пришел к вполне объективному, то есть логически непротиворечивому выводу: уже полтора десятка лет как в стране нет уже никакой науки, а есть ее профанация. Это как в романе «Сны...» нет, «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ, классика китайской литературы 30—60-х годов, кстати, убитого хунвейбинами во время «Культурной революции». Он с иронией описывает образование в гоминьдановском Китае эпохи «китайских милитаристов» (30-е годы); цитирую по памяти, потому без кавычек и аутентичности текста: аттестат зрелости получает школьник, умеющий написать иероглиф «великий», а диплом о высшем образовании — два иероглифа: «великий правитель». В общем, в этом роде... Не мне Вам, как профессору, говорить об этом.

* Авторский комментарий на очерк Ирины Кедровой «...Еще раз об «Историке и его Истории» («Приокские зори», № 2, 2009).

А задача преамбулы — сообщить Вам, что «отзыв на отзыв» пишу, сидя на защите очередных и сразу трех диссертаций, в том числе одной моей аспирантки (к.б.н.) и ½ тоже аспирантки (к.м.н.). Это и есть сейчас у меня свободное время, поскольку уже третий месяц, увлекшись, пишу новый, большой роман с условным пока, рабочим названием «Любовь новоюрского периода». С перерывом только на подготовку очередных номеров «Приокских зорь». Даже второй том сугубо научного трактата «Феноменология ноосферы» отложил, хотя и договор с московским издательством подписан. А сейчас подошел к третьей, заключительной части «Любви...» и понял: «перевожу» в беллетристику ту же «Ноосферу», особенно в части виртуальной реальности, в которой мы, грешные и безгрешные, уже де-факто живем. И вчерашнее избрание-назначение Тайным мировым правительством президента США, то есть исполнительного руководителя всего мира — темнокожего — это торжество базового феномена ноосферы, феномена виртуальности.

...И написанное выше — это не к слову, а имеет самое прямое отношение к «Историку». Ибо этот роман может рассматриваться как пробный камень (скорее — шар), попытка художественными средствами представить явление *предтечи* действующей ныне истории, понимаемой как отображение на социальном, экономическом, этическом и пр. уровне (не уровнях, ибо рассматривается симбиоз) эволюции человечества, а более обобщенно — эволюции живой материи на планете Земля. А нынешний этап этой эволюции суть знаменательный: переход биосферы в ноосферу, о чем аргументированно известил человечество еще в 20-х годах прошлого века великий русский и советский ученый В. И. Вернадский. В наше время его учение развивает выдающийся ученый, академик В. П. Казначеев; свою лепту вносит и Ваш покорный слуга, в научном плане поддерживаемый В. П. Казначеевым.

И вот здесь-то, в данном аспекте, и начинаются чудеса в решетке: явление нам нового человека ноосферного и общества ноосферного (*homo noospheres, sociale noospheres*) с самого проявления их ростков, относящееся к концу XVIII века, организовано замалчивается теми сакральными силами мировой самоорганизованности, которые мы сейчас уже уверенно называем Тайным — пока, но уже в ближайшие 10...15 лет этот покров будет не нужен — мировым правительством.

Это и есть своего рода надфабульный стержень всего романа. Все остальное — «авантюристность», путешествия, демонические силы, трактат Виктора Ильича, главного героя романа, его же любовный антураж — это, конечно, тот необходимый набор, который переводит сухую теорию в качество литературно-художественного произведения. «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет древо жизни», — поучает Мефистофель Фауста и дальше учит любовной науке...

Как нам представляется, из тех нескольких отзывов на «Историка и его Историю», что появились в печати — газета «Тульский литератор», журнал «Приокские зори» — после выхода романа, обстоятельный анализ, выполненный профессором, профессиональной писательницей и драматургом Ириной Кедровой, наиболее близок к истине, если в данном, конкретном значении под истиной подразумевать ту степень корреляции содержания произведения и его оценки, что позволяет автору, литературному критику и, разумеется, читателю говорить на одном понятийном, художественно осознанном языке. Здесь нам на века пример оценки, то есть высшего «класса» критики, Виссарионом Белинским творчества Александра Сергеевича Пушкина. Именно *творчества*, а не отдельных его произведений. Ибо истинный писатель всю свою жизнь пишет одну книгу.

* * *

Автор не хочет сказать, что предыдущие «отзовисты», в смысле, конечно, рецензенты, не читали пухлого и многословного романа, но именно Ирина Николаевна

прочла его так, как и положено читать читателю, извиняюсь за тавтологию... И явные следы того читательского интереса, что и есть базис для последующего литературоведческого, критического анализа в отношении идеи, фабулы, сюжета и собственно художественного воплощения.

Несказанно радуется всякого автора, когда при чтении отзыва на свое детище в форме художественного слова он видит: его игриво запрятанные в тексте фигуры умолчания тотчас опознаны и правильно названы. Самое существенное, что автор как раз этого и добивался. Такая вот игра в простительный гедонизм.

Вот, к примеру, взял автор за образец нарочитой «сюжетной запутанности» оригинальную манеру Лоренса Стерна, особенно имея в виду знаменитый роман английского писателя XVIII века «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», а не — о том же говорится и в отзыве. И правильно Ирина Николаевна пишет, что во многом читателя заинтриговывает не только смысловое, художественное содержание, но и эта своеобразная сюжетная чехарда — так ее можно на первый взгляд назвать. Но ведь это и есть следование литературной новации Лоренса Стерна. В конце концов, все мы, пишущие, редко что изобретаем свое, оригинальное — это слишком большая редкость. Или большая удача и находка. Почти все, как и в других отраслях творчества человечества, уже изобретено за века и тысячелетия цивилизации и культуры. Вот понравился автору прием Лоренса Стерна, он его и использовал в полной мере. А может, и гены «сработали», ибо автор по материнской линии из иностранцев.

Напомним не читавшим «Тристрама Шенди»: первую треть толстенной книги занимают «воспоминания» главного героя о том, как его зачинали. А к завершению романа эти воспоминания так и не выходят за раннее детство. Все это перемежено экскурсами в историю, политику и вообще куда угодно, то есть в мнения автора, подменяющего собой героя. Но в том и великолепии такого приема, что в итоге у читателя в голове остается абсолютно целостное впечатление об идее и обобщенном художественном образе «героя» романа.

А теперь все становится на свои места: главный герой «Историка» — это Тристрам Шенди нашего времени. Хотя бы и тридцатилетней давности. А раз так, то отпадает большая часть, почти все вопросы по сюжету. Понятным становятся и морские путешествия главного героя и сопутствующих ему лиц, и, главное, экскурсии в мировую историю и многое другое.

Но не только великолепный юморист в серьезных делах Лоренс Стерн направляет перо автора «Историка». Отдает он дань и столь популярному в последние десять лет в отечественной и — в особенности — в западной литературе, художественной и художественно-публицистической, приему, который можно назвать «а если бы в истории было вот так» — прием нарочито антиисторический, ибо в реальности история не имеет обратного хода... или сослагательного наклонения. Кому как нравится. Но ведь мы-то уже живем в эпоху виртуальной реальности, то есть в зеркальном мире «Алисы...» в стране — а теперь не в какой-то надуманной, искусственной зазеркальной стране, но в стране и вообще в мире, где историю творят уже конкретные люди, пока нами не знаемые.

И это прекрасно понимает автор отзыва, хотя в целом не приемлет смоделированное Виктором Ильичев завершение в 1943 году Второй мировой войны на Восточном фронте. Но ведь автор «Историка» не очень-то отстаивает свою точку зрения. Для него главное — показать все нарастающую виртуальность нашего мира.

* * *

...Далее в настоящей записке следует почти двусмысленный перерыв; пусть уж Ирина Николаевна великодушно извинит автора, ибо дописывание «Любви новоюрского периода» полностью захватило. Тем более — дал слово поставить точку 22

декабря в день солнцеворота (слово-то какое замечательное, оптимистичное!). Что и выполнил. И еще хлопоты по обеспечению издания «Приокских зорь» в наступающем 2009-м году. Слава богу, Тульский госуниверситет, печатающий тираж, дал добро, а администрация области, утомившись перепиской со мной — уже два тома накопилось, — вроде как согласилась финансировать журнал с 2011-го года — года реализации новой Культурной программы. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Сегодня четвертый день нового года; снега мало, но мороз настоящий. Но — продолжим ранее начатое.

Именно прощупывание этой грядущей виртуальности бытия будущего человечества, а в каких-то фрагментах уже и сегодняшнего, служат и эпизоды попадания Виктора Ильича со своей подругой и «примкнувшего» к ним колоритного Боцмана на острова с диковинными государственными устройствами. Все же — точно! Гены в авторе романа играют, ибо здесь земляка его пращуров Лоренса Стерна сменяет тож земляк. Который с Гулливером. И наш *new*-Фауст на время действия островных эпизодов становится *new*-Гулливером. Вот Фауста в Викторе Ильиче все мгновенно замечают — и ни полслова о Гулливере. Наверное, потому, что, во-первых, «Гулливера» все читали в детстве, а «Фауста» в серьезном возрасте; во-вторых, читали-то адаптированного к детско-юношескому возрасту «Гулливера». А вот Карримардак и Хиндельбраант в «Историке» предельно натуралистичны. Как, впрочем, и неадаптированный «Гулливер». А может он настолько вошел в литературную культуру, что стал привычной частью ее «интерьера», который настолько реален и привычен, что уже особо и не оговаривается...

И уже без всякой авторской подсказки читателю ясно: Карримардак и Хиндельбраант — это две ипостаси того устройства социума, форму которого наша страна с навязчивой периодичностью принимает в новой и, особенно, в новейшей истории. Уверенно входим в таковую и сейчас. Ни одно поколение наших соотечественников часа сия не миновала. Но предстоящее нам, смиренным и смирившимся с властью хама с долларами, испытание еще следует помножить на эту самую настигшую нас виртуальную реальность.

Так что это за штука такая виртуальная реальность, в которую волей Рогатого попал Виктор Ильич, а теперь и все мы? Ответ прост: это сон разума, как у Гойи, или жизнь, как сок, у Кальдерона.— И так в каждом аспекте современной жизни — существования. В той же экономике, словесном идефикс, или поносе, кому как нравится, нашего времени. Включите утром кухонный репродуктор, но только после завтрака, памятуя слова булгаковского Филиппа Филипповича Преображенского: «Не читайте перед обедом советских газет — аппетит пропадет!» Точно также не рекомендуется слушать до завтрака уже антисоветское радио; равно читать газеты, смотреть телевизор, разговаривать с соседом-депутатом, тем более чиновником... Но если все же репродуктор включен, то вот она — виртуальная реальность.

Времена сейчас опасливые, как-то скоро и незаметно «свобода печати» скукорожилась до свободы панегириков до боли родным в исторической генеалогии рулевым. Поэтому дождитесь местных губернских новостей. Из них узнаете, что реальный сектор экономики нашего среднерусского областного города, где не добывается нефть и газ, растет невиданными темпами; далее следует неодобрительная реприза в адрес тоталитарного прошлого, а затем голос диктора начинает изображать черт-те какой восторг: это речь пошла о совсем уже невероятном росте экономики при нынешнем руководстве города.

Впору рукоплескать репродуктору, пугая доброго своего кота, кирнарского, конечно, что и сам пришел на кухню подкрепиться в перерыве между ночным и дневным сном. Но тут, как говаривали в старину гусары, пришел поручик Ржевский и все

испортил. Это диктор толерантной скороговоркой сообщил, что из трехсот тысяч работающих граждан среднерусского города сто шестьдесят три «заняты коммерцией». Будучи не дураком от природы или от *СМИ*, вы сами, зная свой родной город уже не один десяток лет, прикините: из оставшейся разницы 300 — 163+137 тысяч опять же вычтите бюджетников всех уровней и рангов, полноформатную — по численности военных лет укомплектованную дивизию чиновников-молодцов, армейский корпус (то есть две дивизии) «менеджеров» и «офисных креветок» из тех контор, где перекачивают и отмывают спекулятивные деньги, и так далее. В итоге на «реальный сектор» останется не более полутора десятков тысяч, ну-у, может двадцать от силы. В тоталитарные времена в городе работали заводы, численность трудяг на каждом из которых в полтора-два раза превышала эту цифру...

Вот это и есть виртуальная реальность. Про науку, культуру, образование стыдливо умолчим. И вообще, пояснив связь грядущих времен и предвидений Виктора Ильича, оставим эту тягостную тему читателям: пусть поразгадывают ребусы.— Вместо оглуляющих кроссвордов и сканвордов.

* * *

...Рецензент, тем более женщина и профессор-педагог, то есть вдвойне наблюдательная, много и метко пишет о тех деталях романа, которые традиционно относят к второстепенным. Выходит, что и второстепенные детали имеют свою сверхзадачу? Согласен, ибо сам их вставлял в сюжет, добываясь максимальной полноты характеристики главного героя. Самое интересное, что выискивать любопытных персонажей второго-третьего ряда мне и не требовалось: только оглянись вокруг себя! Посмеемся, Ирина Николаевна, вместе, дабы отвлечься от грядущей виртуальности.

Буквально за несколько дней до недавнего Нового года встретил на улице прототипа Витьки Логинова; это который в романе, стремясь сохранить свой частный дом с усадебным участком в самом центре многоэтажного микрорайона, пытался с помощью Виктора Ильича повесить на стену этого дома охранную табличку: здесь бывал видный революционер Имярек. С этим прототипом мы некогда молодыми специалистами трудились в военно-промышленном КБ и даже семьями вместе ездили летом в Крым.

Сейчас Витька-прототип заведует какой-то службой по части сотовой связи. Давно не виделись, поэтому поинтересовался историей тридцатилетней давности: небось, снесли домик-то? Теперь в квартире маешься?

— Отнюдь, — рассмеялся прототип, — дом взят под охрану государства!

— Неужели табличка с героическим подпольщиком?

— Табличка, но не с революционером, а с героем-летчиком, повторившим в войну подвиг Гастелло; оказался у супруги такой знаменитый родственник.

...А прошедшим летом вошел ко мне в рабочий кабинет в НИИ сухощавый молодец в полной казачьей амуниции, шуточно помахивая в руке не чем иным, как муляжом парабеллума. Тоже из прототипов, только из другого романа: «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», где он под именем Сашки Стехина геройствует как универсальный охранник-супермен. Теперь же Стехин-прототип, пройдя с его характером Павки Корчагина огни, воды и медные трубы волчьих девяностых, состоит в звании вахмистра в местном отделении Центрального казачьего войска («городские казаки»), получает там зарплату инструктора по рукопашному бою, сабельной рубке и стрельбе из всех видов переносимого оружия: от пистолета до гранатомета.

«С ума сойти!» — как говорят офисные девушки. Чего только в самой обыденной жизни не встретишь; ведь в этой жизни такое можно увидеть, с чем ни одна фантазия не совпадает... Понятно, что по улицам города не маршировал в полной эсэсовской форме полковник, проказливо посланный на этот парад по просьбе Виктора Ильича

Аседоном-младшим. Но вот работяги одного из НИИ оборонного профиля, работавшие в третью смену, решившие «добавить» к казенному техническому спирту, преспокойно выехали из ворот родного предприятия на танке: мы, мол, на полчаса, доедем до известного домика, где торгуют самогоном на вынос, и назад воротимся!

Посмеявшись, вновь посерьезнели. А что есть самое серьезное для современного писателя — литератора эпохи натиска его Проклятейшества Капитала? Здесь и угадывать не стоит напрягаться: не высокие материи оценки и самооценки творчества, не раздумья об идейно-художественном содержании, даже не честолюбивые мечтания о высокой премии или ордене с барельефом Вождя к юбилейной дате творчества же... Нет, это все в тоталитарном прошлом, что было без «зелени» и евров, кризисов и щетинистых олигархеров, новых русских и новых же «русских бабок» на *ТВ*, что вызывают у нормального человека зубоскрежетальную ненависть.

Самое серьезное для современного сочинителя — это издание своих книг. Вот и замечания Ирины Николаевны, в основном, касаются редактуры и корректуры. Еще, правда. Имеется замечание что-де автор «Истории» полагает царя Алексея Михайловича, а не его папу Михаила, первым представителем романовской династии. Что здесь сказать? Даже если бы автор неаккуратно учился истории в школе, в Литинституте, не прочел бы всех историков России — от Татищева с его мамонтами до пролеткультовского Покровского, то уж оперу про события 400-летней давности в костромских лесах, дважды уже менявшего свое название, смотреть доводилось. Каемся, опять же дело в редактуре: называя Алексея первым «романовским» царем, автор пропустил определяющее слово «первым *самодержавным*».

* * *

Редактура и корректура — вот беда современного писателя; даже вроде бы определяющий вопрос о финансировании издания (я издаю либо на получаемые время от времени научные премии и иные поощрения, в том числе от Академии наук, либо на выделяемые администрацией области на писательские нужды средства; особенно последние было хорошо поставлено при народном (без кавычек!) губернаторе Василии Александровиче Стародубцеве, прекрасном знатоке отечественной литературы...) здесь отходит на второе место.

Довелось застать прежнюю, выверенную систему советского книгоиздания. В Приокском книжном издательстве тогдашними многотысячными тиражами вышли две книги: сборник повестей и рассказов «На островах» — дипломная работа в Литинституте и роман «В канцелярии», который считаю лучшим крупножанровым произведением, доселе много написанным. Может «Любовь новоюрского периода» сравняется с ним? — Но об этом судить прежде всего читателю. Система же была следующей: авторский оригинал → издательское редактирование → издательский оригинал → издательская корректура → издательский оригинал-макет + художественное оформление → типографский набор и пробный оттиск-гранки → параллельная вычитка гранок автором и издательством → правка издательского набора → печать тиража → сигнальный экз. → выдача тиража.

Да, относительно нынешних сказок о «литовской» цензуре. На всех названных этапах ее не было по определению. Просто в облиты передавалось определенное число экземпляров уже отпечатанной книги. Как, впрочем, и в дореволюционной России, что оговаривалось на шмугу-тителе отпечатанной книги: «...по напечатании препроводить шесть экземпляров книги куда следует». А книги религиозного содержания цензурировались Св. Синодом.

...При такой многоступенчатой и согласованной системе «ляпы» не проходили. По своим, названным выше книгам сужу. Но главное — это высокая квалификация редакторов и корректоров.

Сейчас же указанная выше цепочка резко сокращена, а издательство и типография не имеют обратной связи в виде гранок; по крайней мере для малотиражных изданий, которые в современной беллетристике составляет 80—90 %. А на редактуру и корректуру либо у автора уже не остается денег — все ушло на печать тиража, но главное — сам институт редакторов отживает свое ввиду невостребованности (см. выше). Что касается корректоров, то они еще сохранились в издательствах, но здесь вот такой казус получается: это, как правило, бывшие технические редакторы или «выросшие» бывшие корректоры. И им поручается вдвоенная работа: корректура с техническим редактированием. Понятно, что такой комплексный работник, тем более имеющий филологическое образование, тяготеет более к редактированию, как более-менее творческому процессу, но — в ущерб корректуре. А вот в прежние времена корректоров специально подбирали из вчерашних школьниц-отличниц, по той или иной причине пока еще не поступивших в институт-университет. И такая девочка-отличница относилась к тексту как к школьному диктанту: не вникая в смысл текста, править ошибки. Это была гениальная система редакционной, технической подготовки текстов к изданию...

Но еще чаще роль редактора и корректора выполняет сам автор. Но самому себя редактировать — это из историй барона Мюнхгаузена. То же самое и с самокорректурой: будь ты доктором филологии и любимым учеником профессора Розенталя, что написал учебник по русской грамматике, все одно при чтении собственного текста внимание автоматически акцентируется на смысловом, но не грамматическом содержании текста. А что уж говорить, если автор прямо из известных строк Маяковского: «Будь я негром преклонных годов...» И так далее. Раньше посмеивался, слыша расхожее: «Наиболее слабы в грамоте именно писатели, но став главным редактором журнала «Приокские зори», смеюсь намного реже...

Опять же, печатаясь ранее и сейчас в известных литературных журналах, где имеются полноформатные редакционные службы, отмечаю: редактура, как сотворческий процесс, становится все более торопливой и небрежной.

Многажды извиняюсь за длинный экскурс в техническую сторону издания книг, но — это ответ на ныне столь привычные замечания типа: «Все хорошо и вовсе замечательно, но режет глаз...» И так далее.

* * *

И вдогонку, раз уж разговор пошел на тему подготовки рукописи к изданию, общие размышления о самом институте редактирования. Сложно ответить на вопрос: когда редактура художественных произведений появилась в России? Несомненно, на эту тему сочинены десятки филологических диссертаций, но диссертации, как известно, читает только час диссертант, да еще его руководитель внимательно читает и правит автореферат. А вот официальные оппоненты уже не читают, а зачитывают «свой» отзыв, написанный автором научного исследования...

Почему-то принято считать, что редактуру личным примером ввел в обиход император Николай Павлович, ссылаясь на разночтение его знаменитых слов к Пушкину: «Я буду твоим цензором (редактором)!» Возможно так. Но мы говорим вообще не о высочайших персонах — Николай на самодержавном троне, Пушкин на троне поэзии, — но о редактуре, как обыденном явлении. Скорее всего, начиная со времен патриарха Никона, редактирование и цензура не разделялись и практиковался этот симбиоз исключительно в духовной литературе. Понятно почему это нововведение связано именно с Никоном.

В светской литературе цензура с элементами редактирования появилась при Екатерине Второй — и тоже в связи — в связи с «Путешествием...» Радищева. В XIX веке цензура полностью самостоятельна, а цензоры — государственные служащие во

главе с главным цензором Российской империи; самым знаменитым из них, главных, был автор «Фрегата «Паллада». Массовая же редакция появилась прежде всего в журнальной литературе, которая возникла в России, как общественно-литературное явление, в первой половине XIX века. И поэтому институт редакции прежде всего связан с громкими именами редакторов-издателей самых известных журналов 30—80-х годов «века русской литературы»: «Современник», «Библиотека для чтения», возобновленный «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Москвитянин» — то есть с именами Пушкина, Осипа Сенковского, Некрасова и других, тоже именитых редакторов. Затем это перешло и на книгоиздательство.

Причина появления де-факто обязательной редакции суть сочетание и совпадение по времени двух факторов. Во-первых, выдающиеся и великие писатели, тогда редактировавшие литературные журналы, подспудно стремились «подтянуть» среднего автора журнала, равняя в каком-то смысле общий уровень своего издания на себя. Это естественно для любого профессионала. Также и профи-дворник, проходя на чужому для его двору, инстинктивно поднимает валяющуюся на тротуаре скомканную газету и бросает ее в урну... И из личного опыта: когда при губернаторе Василии Александровиче Стародубцеве меня «сватали» на должность председателя комитета по науке областной администрации, то вице-губернатор, от которого зависело это назначение, выразил неудовольствие, что я явился пред его очи без галстука. Это-то и предредило отказ. Не мог же я ответить матерому чиновнику, даже занимавшему некогда пост, правда, не очень высокий, в ЦК КПСС на Старой площади, что у староевров, из рода которых я происхожу, галстук именуется «иудиной удавкой...».

А во-вторых, именно начиная с середины XIX века в литературу устремился мощный поток сочинителей-разночинцев, у которых даже университеты не смогли перебороть специфическое словесное образование, полученное ими в бурсах и семинариях: многолетняя практика чтения, речевая и даже мышление на церковнославянском, неформальное изучение трех «мертвых» языков, затверженная логика основных дисциплин: догматическое богословие, гомилетика, патристика... Обратите внимание: даже нынешние православные священнослужители в обычном, нецерковном общении имеют говор, несколько отличный от давно ставшего общенациональным московского говора. И наряду с разночинцами, людьми все же образованными, в последней трети XIX века в литературу массово пошли и способные, талантливые, но, увы, малообразованные писатели из гущи народа.

Таковы на наш взгляд, учитывающий реальные факты истории русской словесности, истоки института отечественной редакции.

Свои коррективы внес век двадцатый, но это все или почти все «на виду», пояснений не требует. Вывод однозначный: редактирование было, есть и будет необходимым компонентом (или компонентой? — На сегодняшний день здесь разночтение) подготовки рукописи к изданию. И это не зависит от степени литературной грамотности автора, ибо он пишет, вообще говоря, для себя, самовыражается, а изданное произведение предназначается для читателей; во множественном числе. Конечно и речи не идет о нивелировании-усреднении редактором оригинального текста для масс-медиа; это прерогатива глянцевого журнальчика, дамских романов и романов дам — карманного формата в мягких переплетах. Задача редактора: реализовать все ту же формулу «близкое видится с расстояния». У опытного редактора, де-факто соавтора, полностью сохраняется стиль и аутентичность текста. Более того, они им выявляются, как выявляется внутренняя, кристаллическая симметрия алмаза при его огранке...

И беда бед нашего времени, что *институт* редакции, надеемся — временно, сведен, в лучшем случае, к *рабфаку*... нет, к *ПТУ*.

* * *

Все же отвлечемся от злободневной темы и обсудим другую, акцентированную в рецензии Ирины Николаевны; в ней содержатся несколько вопросов к автору и ремарок. Их можно объединить в риторическое: для кого сейчас пишутся художественные книги и могут ли они быть «умными»? Кавычки к последнему слову не знак иронии или отрицания смысла, но акцентирования последнего слова.

Начнем со второго подвопроса. Давно бытует в литературных кругах: прозаик в своих произведениях должен быть слегка умноватым, поэт несколько косить под глуповатого. От себя добавим: а драматург стараться не выходить из треугольника: «Гамлет» — «Синяя птица» и «Кавказский меловый круг». То есть отдавать дань филозофичности Шекспира (или Фрэнсиса Бэкона, ангажируемого на авторство), поэтичности Метерлинка и дидактике Бертольда Брехта... Все одно на него свой Лев Толстой найдется.

Но кто и когда издал директиву, что книга должна быть где-то между «умненькой» и «глупенькой», то есть масс-медийной? Да, директив за номером и подписью никто не издавал, однако модус масс-медийности и раньше был в чести у издательств и критики, а сейчас и вовсе господин положения. Здесь опять же счастливо для современных — уже не издательств, но частных издателей и несчастливо для собственно русской литературы совпали два исходных момента. Первый принадлежит к почившему в бозе агитпропу, взявшему на вооружение примитивно истолкованные слова Горького о доступности художественного слова для самых широких масс, как говорили раньше, — трудящихся; сегодня — не очень уж надрывающих пуп от трудов праведных... Вот так сложился преобладающий тип писателя-средняка, еще на заре его становления великолепно «продернутый» одесскими классиками: «...Понюхал свою портянку старик Ромуальдович и аж весь заколдобился». В этом многоликий середняк в старших поколениях современных писателей, особенно провинциальных, которых, в отличие от столичных, и вовсе даже намеков на изыски не позволялось.

Вот и сочиняют они по инерции (а чем еще занять все же натренированные головы и руку с пером? Все одно, раз они профи еще от СП СССР, другому занятию не обучены...) задумчивые романы о цветущих яблонях, рассказ-зарисовки и автобиографические повести. «Пишите о людях хороших, плохие и так на виду», — получал меня с сотоварищи по семинару в Литинституте добрейший наш наставник, седовласый и мудрый Борис Михайлович Зубавин, бывший первым главным редактором «Нашего современника» — возрожденного «Современника» Пушкина и Некрасова. Правда, уважаемые наши сочинители сделали коррективу, учитывающую ветер перемен времени: люди хорошие, скорбя и негодуя, делаю оргвыводы, ушли на второй план, а люди очень даже плохие, прямо-таки скверные, вышли на план первый.

Но — выручает мастерство, данное от природы и отточенное в золотые для писателей советские годы, потому книги их имеют если не массового (тиражи копеечные ведь!), то благодарного читателя. Таковые романы, повести и стихи известных тульских литераторов: Наталии Парыгиной, Виктора Пахомова, Николая Дружкова и других. В любом регионе России вы найдете свои имена. В конце концов на их плечи легло поддержание добротных традиций литературы советского периода истории страны. Честь и хвала им!

Но истинное бедствие для современной литературы — второй фактор: господство ширпотреба — от эпатажного пиара сально-голубого оттенка (имена на слуху; как раз написала мне Ирина Николаевна: уютю включишь и слышишь...) до дамских, детективных, псевдоисторических и сексуально-приторных романчиков, заваливших прилавки книжных магазинов, ларьков и развалов.

Всех их объединяет одно: они издаются одновременно сериями по 10 штук под женскими «авторскими» именами, звучно подобранными, и изготавливаются на ком-

пьютерах по давно используемым на Западе программам, адаптированным под русский (новорусский, новояз) язык и соответствующую сферу действия. Оба варианта — коммерческие.

Итак, с умозрительной директивой все ясно. Так что есть «Историк» на фоне современного книготворения? Прочитав этот роман, мой одноклассник по школе города Полярного, что на берегу Кольского залива за Полярным же кругом, а ныне проживающий в Петрозаводске и работающий зам. начальника (по технической части) Госкомстата Карелии Юра Черняков сообщил просто: «Роман не для женского чтения!» Как человек воспитанный, он, конечно, имел в виду не какие-то особые женские качества мышления, но именно господство ныне «женского романа», о чем мы только что сказали.

Так еще раз сами себя спросим: почему литературное произведение должно быть масс-медийным? И в смысле позитивном, смотри выше первый исходный момент, и в понятии коммерческом — второй момент. Ведь собственно художественная литература издревле являлась философствующей, размышляющей. И даже когда античный, древнегреческий роман жанрово отделился от философии, он не поменял резко свои тропы. Таковы и первые позднегреческие романы «Дафнис и Хлоя» и Апулеев «Золотой осел» («Метаморфозы») — первый *авантюрный* роман мирового уровня — и тогдашнего и в восприятии сегодняшнего времени.

И только с появлением более или менее массового читателя, а это для Европы, впрочем, и для России, вторая треть XIX века на первое место выходит беллетристика. И появляется понятие «серьезной» литературы.

* * *

Но так ли велико различие между серьезной (опустим кавычки) литературой и беллетристикой? Наугад возьмем представителей той и другой примерно одного времени и одной, англо-ирландской литературной традиции: Джона Голсуорси и Джеймса Джойса. Речь пойдет, соответственно, о «Саге о Форсайтах» и «Улиссе». ...Но можно, конечно, сопоставить «В поисках утраченного времени» и одного из известных французских (и многочисленных) беллетристов того времени — времени творчества Марселя Пруста.

А почему на ум пришла именно эта, коррелирующая по времени и национальной литературной традиции пара выдающихся писателей? — Вспомнил: читал Голсуорси, к этому времени изданного в собрании сочинений, дома после работы инженерной, а по субботам два-три часа проводил в читальном зале областной библиотеки, тож читая не издаваемого тогда «Улисса» в номерах вытребованного из книгохранилища годового комплекта журнала «Интернациональная литература» — предшественника современной «Иностранки». Кажется, за 1934-й год. Или где-то около того.

К сожалению моему печатание романа прерывалось, не дойдя до середины. И давалось от редакции журнала идеологическое обоснование в том смысле, что читали и хватит. Литература упадническая, декадентско-буржуазная. И вообще, нечего отвлекаться от строек пятилетки... Что ж, для той эпохи все верно.

Однако — от ностальгических воспоминаний к делу. Действительно, «Улисс» — декаданс декадансом, бесфабульный семисотстраничный роман, правда, при этом идеально математически, как сорокаходовая шахматная гроссмейстерская партия, рассчитана сюжетная линия, все многочисленные, нарочито запутанные узлы и разветвления которой в итоге сходятся.

А «Форсайты»? — романная классика; такая расклассическая, что английский сериал по роману был показан — и неоднократно — по советскому телевидению: первый зарубежный на наших экранах!

Но кто первый бросит... в смысле, кто скажет, что «Форсайты» и «Улисс» сколь-

либо разнятся по силе художественного впечатления, актуальности своему времени, богатству сюжетных ходов и образности героев, адекватности средств раскрытия их характеров? В конце концов, тот кто с удовольствием прочитает книгу Голсуорси — от первого тома романа до несколько искусственно (это наше, субъективное) притянутой к нему «Последней главы», — тот так же воспримет и поймет «Улисса». Но это и не значит, что знакомый с «Сагой» только по сериалу возьмет в руки Джойса...

И еще следует учитывать, что фундаментальный для науки, технологий, обыденной жизни, наконец, принцип «гениальное всегда просто» явно не срабатывает в литературе. Впрочем, не совсем он адекватен в музыке и живописи. Даже в несколько догматизированной советской литературе были далеко не одни «цветущие яблони». Разве «Русский лес» Леонида Леонова так прост, беллетристичен? Не говоря уже о более поздней его «Пирамиде».

Писатель создает свое произведение теми художественными средствами, какие он полагает имманентными поставленной им задаче. И никаких раздумий: «просто» или «сложно» у него получится? А самое главное — *его* произведение есть только *его* самовыражение. И пишет он *для себя*. Демагогическое «писать надо не для себя, а для широких масс читателей» родилось в инструкциях еще Пролеткульта и из тактических соображений затвержено созданным Горьким Союзом писателей СССР. Будет этот самый широкий читатель листать страницы его книги, или даже не взглянет на нее — сочинителю простых, средних и архисложных романов и многотомных поэм все одно. При условии, конечно, если: а) книга пишется не «под премию», а в СССР — не под карьеру; б) автор не тщеславен или не гедонист-параноик; в) не преследуется полный или частичный коммерческий интерес. Вот в этих-то случаях можно и на широкий народ потрудиться!

...Писатель пишет, читатель читает.— А это уже не демагогия, а руководство к литературному процессу. И если художник слова — не пиарщик, не коммерсант, не премиальный соискатель, но истинный писатель, поэт, драматург, все же, покрывив душой, начинает «опроцаться», то тем самым создает ситуацию, которую в медицине и биологии (я работаю по другой своей, не литературной профессии в этих областях, отсюда и сравнение) называют порочной цепью патогенеза или по-русски: игрой в поддавки. Писатель сочиняет попроще, «для пипла»; читатель отвыкает думать, превращая чтение в чтение; литератор, подыгрывая читателю, еще больше снижает уровень... И так далее — до комиксов и пазлов.

А вообще-то рукописи не горят, хотя книги время от времени жгут. И традиционно: будь проклят *business* — главный враг художественной мысли. Пишем это слово по-американски, ибо слово глубоко нерусское, надеюсь, временное у нас. И спасибо Ирине Николаевне за великолепную рецензию. Она расставляет все точки на *i*.

